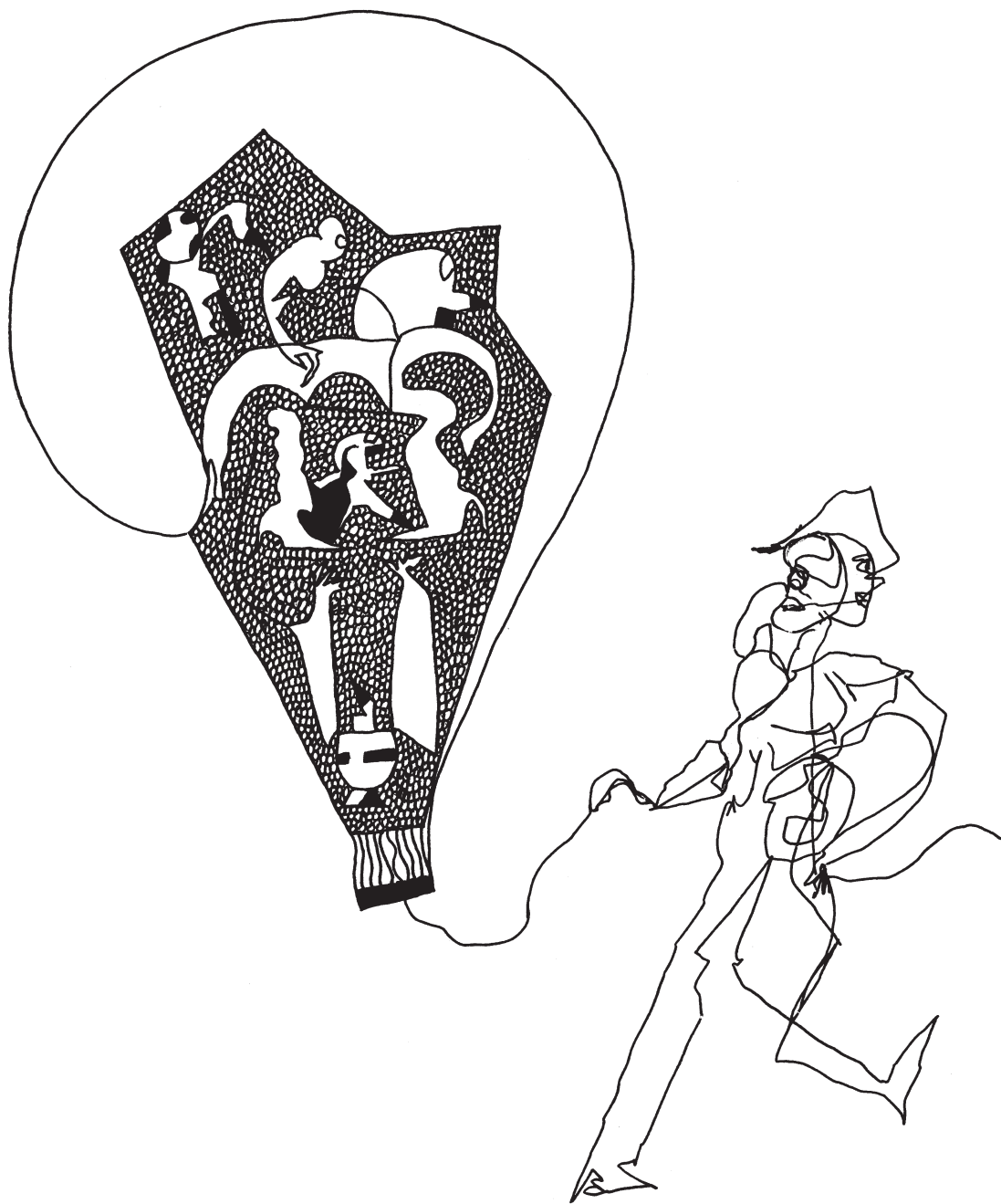
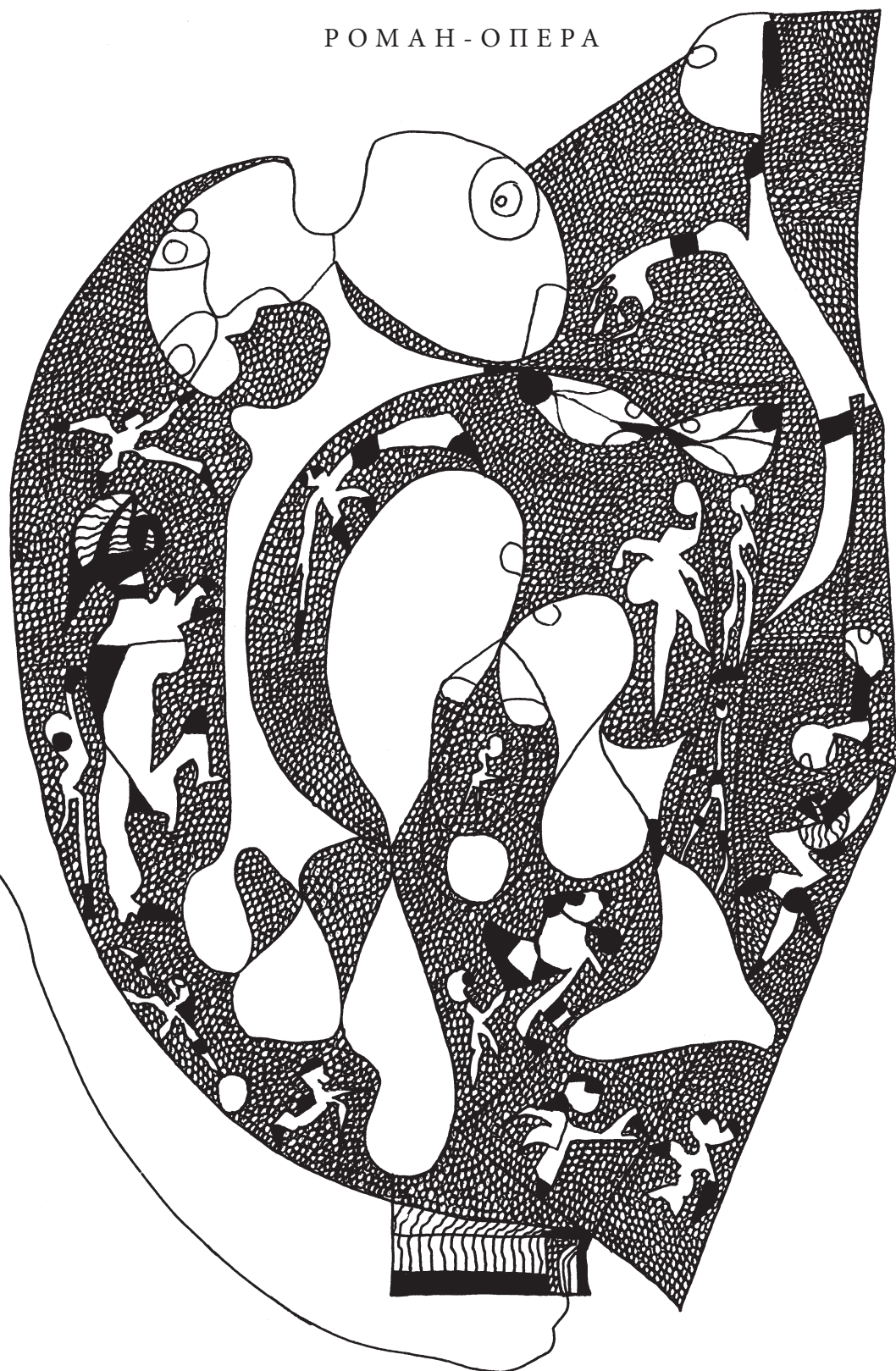

Борис Юхананов

Сверлийцы

РОМАН-ОПЕРА

УДК: 792.2.03 (474.5-25) (093.3)+821.161.1.09.
ББК 85.334.3+ 83.3 (2Рос=РУС)1
Ю 94

«Сверлийцы»

Роман-опера Бориса Юхананова

Серия «Театр и его дневник»

Роман-опера Бориса Юхананова повествует о путешествии во времени и пространстве Сверлийского Принца – мага, жреца и героя, – предпринятом для спасения древней цивилизации, имя которой – Сверлия. Настоящая книга в функциональной, демократичной форме воспроизводит коллекционное издание романа, вышедшее тиражом 100 номерных экз. 25 апреля 2012 года, в день первого показа одноименной оперы на музыку Дмитрия Курляндского. В издание вошли сверлийский миф в изложении автора и мифологический трактат доктора сверлиоведения, историографа и футуролога университета Эпидавра (Греция) Ильи Пермякова.

СВЕРЛИЯ

Одновременно с земной реальностью существует параллельная ей цивилизация. Имя ее – Сверлия. Главным знаком этой цивилизации является сверло. Между Сверлией и Землей проложены и проторены тропы. Издревле сверлийцы посещали Землю, они посещают ее по сей день и будут посещать в грядущем.

Такие визиты не могли пройти бесследно. Сверлия оставила множество отзвуков, отражений и следов своего пребывания по эту сторону, на Земле. Все объекты и символы, напоминающие своей формой и содержанием сверло, – это наследие параллельного сверлийского мира. Присутствие всех видов спирали в человеческой цивилизации инициировано не чем иным, как Сверлией. Например, Вавилонская башня – это случайно оброненное священное сверло, которое однажды выпало из рук проходящего мимо сверлийца. Это выроненное сверло сошло с ума, стало по воле представителей земной власти расти, прокалывать небо и, в конце концов, послужило осью, вокруг которой смешались человеческие языки. Пизанская башня – это игрушка сверлийцев. Двойные спирали ДНК, несущие генетическую информацию о нас с вами, – это дальние родственники сверлийских свёрлышек.

Сверлия – это мирная цивилизация. Там принципиально нет полемики и оппозиций, в Сверлии они снимаются и исчерпываются самим актом дыхания ее обитателей. Эта цивилизация едина в множестве своих проявлений. Сверлийцы изобрели и укоренили в земном сознании формулу «Один Единственный Единый». Именно из Сверлии эта формула перекочевала в иудаизм и превратилась в центральное положение евреев о Творце. Иудаизм – лишь одно из проявлений Сверлии, равное по своей мощи и значимости, например, крито-микенской цивилизации или брахманизму. Известный сверлийский перебежчик Рене Генон посвятил несколько томов попытке открыть сверлийские тайны, но у него ничего не получилось, потому что никто на Земле не проникся истинностью его открытий.

У Сверлии есть два столичных града. Один из них называется Северной Столицей и, с определенными оговорками, может быть соотнесен с российским

Санкт-Петербургом. Второй столичный сверлийский град – Пра-Венеция. Это Венеция, существовавшая в далеком-далеком прошлом. Сегодняшняя Венеция – это особое место, устроенное как портал; она образована за счет особых тектонических смещений, которые происходили в пространстве и времени. В отличие от современной Венеции, Пра-Венеция – это город не морского и не лагунного типа. Ландшафт Пра-Венеции – луговой; по сути это город-луг.

На этом Лугу находится один из культовых объектов Сверлии – Стог Синего Сена. Этот Стог – живое, по-нашему говоря, божественное существо Сверлии. Это оракул, который источает особого рода миазмы настроений и снов и при помощи разлетающихся соломинок проникает в самые непотребные места разных цивилизаций и за счет таких проникновений их изменяет.

Цивилизация Сверла проживает в трех временах: она располагается в невероятно глубоком прошлом, всегда существует в настоящем и пребывает в будущем.

В древности Сверлия инициировала многие человеческие мистерии и культивировала архаичные земные цивилизации. В частности, свидетельством Сверлии служит крито-микенская цивилизация, из которой образовалась вся античность. Там, на острове Крит, на протяжении как минимум пятисот лет существовала невероятно таинственная, абсолютно мирная и развитая до предела культура. Свидетельствами этой культуры являются Кносский дворец и сохранившиеся среди его руин фрески. На одной из дворцовых фресок мы можем обнаружить изображение юного повелителя Кносса, столицы Крита. Это Принц Лилий. Рассматривая лицо и осанку Принца Лилий, мы получаем счастливую возможность на секунду заглянуть в облик, приоткрывающий нам стати и осанки Сверлии, потому что именно в этом юноше проступают истинные сверлийские черты.

Кносский дворец лежит в руинах, потому что отточенную до совершенства крито-микенскую цивилизацию постигла страшная катастрофа. Кносс сгинул, погиб. Погибли и прочие свидетельства о Сверлии, например, Помпея. Ареалы пребывания Сверлии на Земле всегда гибнут, их постоянно настигают катастрофы. Катаклизмы могут прийти в облике огромной волны, способны нахлынуть под видом чудовищной лавы. Сверлийские отсветы и отголоски на Земле уничтожаются извержениями вулканов, землетрясениями, эпидемиями, наводнениями. Гибель всегда приходит как стихийное бедствие, но никогда не посредством войны. Война – это всего лишь вторичное следствие изначальной, действительно губительной катастрофы.

Но подобная катастрофа происходит не только с манифестациями Сверлии на Земле. Гибнет сама цивилизация Сверла. Она погибала в прошлом, она гибнет в настоящий момент, в эту самую секунду, и она будет гибнуть в грядущем. Как и почему это произойдет, происходит и произошло?

Жители Сверлии подобны богам, их возможности неисчерпаемы. Их социальная структура расслоена на определенное количество рас. Среди сверлийцев есть Авры, Легионеры, Гетеры, Дрейлеры, Русалки и другие. Все эти расы живут в утонченном сибаритстве. В Сверлии нет никаких сверхсерьезных занятий, никто из сверлийцев не занимается важными делами. Это и счастье,

и чудовищная проблема для некоторых сверлийских рас, проблема, которая по сути и еще приведет, и уже привела к гибели Сверлийской Цивилизации.

Одна из сверлийских рас носит имя Простигосподи. Именно ее представители оказались виновниками тех событий, которые заставляют сегодня звучать мой голос, побуждают меня развернуть перед Вами сверлийский эпос. Простигосподи тосковали по делу. Бывает такая типично сверлийская тоска – тоска по делу, по разного рода долгоиграющим занятиям. При этом Простигосподи, как и все сверлийцы, периодически переходили из сферы сверлийской сюда, в сферу земную. Здесь, на Земле, у представителей этой расы наконец-то получилось организовать для себя огромное, масштабное Дело. Дело это называлось Лабораторией по Выращиванию Вероятностных Потенциалов.

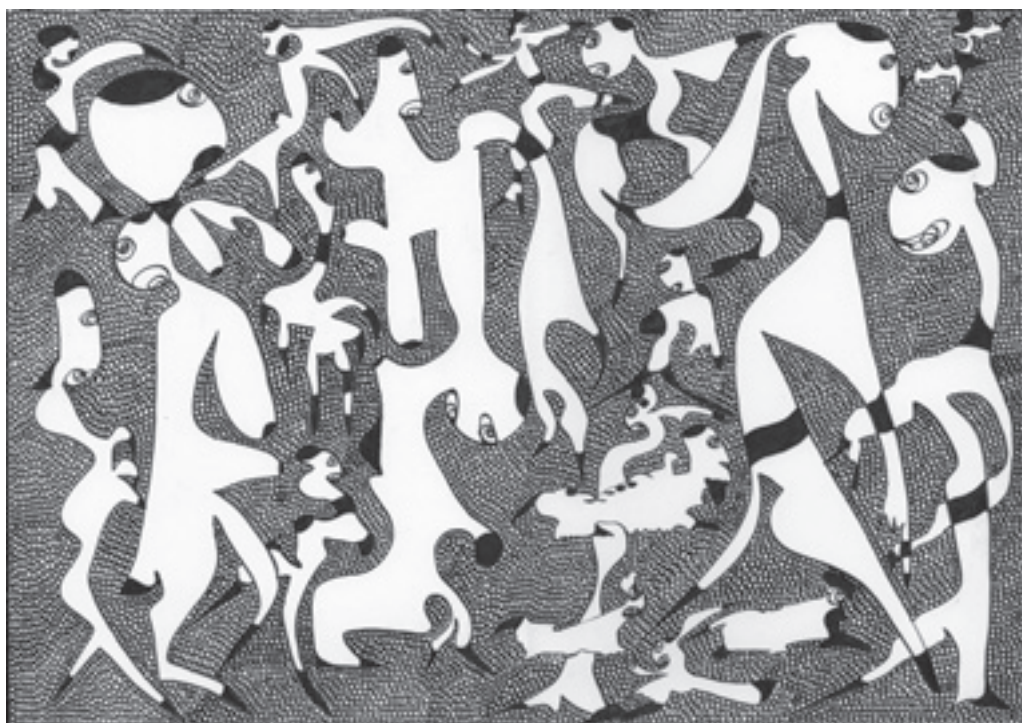
Наличие у того или иного человека вероятностного потенциала проверяется очень просто. Вы берете монетку, подкидываете ее, и если 10 раз из 10 выпадает «орел» или 10 раз из 10 выпадает «решка», Вы – Вероятностный Потенциал, то есть Вы – одно из самых опасных оружий, которые знало человечество. Вы несравнимы ни с какими лазерными пушками, с атомными бомбами – ни с чем.

Именно разработкой, выращиванием, обработкой и дальнейшим развитием этого фатального биооружия, судьбоносного, фатумного оружия, которое называется Вероятностный Потенциал, всей своей расой с всепоглощающей страстью и самоотдачей занялись Простигосподи. Для своих лабораторных штудий в качестве подопытных объектов они привлекали тех, кого в древности называли колдунами и ведьмами. Позже, начиная с Нового времени, Простигосподи стали ангажировать ученых. В наши времена подопытные объекты Простигосподей – это специалисты по кибернетике, астрофизике, математике.

Простигосподи трудились и экспериментировали, а среди обитателей Земли на протяжении многих тысяч лет за ними кто-то присматривал и наблюдал. Эти наблюдатели накапливали факты о деятельности лабораторий, но никто из них так и не догадался, что они имеют дело с представителями потусторонней цивилизации. Начались всякого рода каверзы, аресты, посадки за решетку, уничтожения и казни. Одна из тех организаций, что наблюдали за сверлийскими опытами, – это Орден иезуитов. Шаг за шагом наблюдатели начали приближаться к разгадке происхождения Простигосподей и природы их лабораторных опытов.

В результате Простигосподи оказались перед тяжелым выбором. Вариант первый заключался в том, что они прекращают заниматься очень развитым делом. А, надо заметить, Вероятностные Потенциалы к тому времени стали основательно влиять на земные события. Уже были выведены потрясающие особи с невероятными возможностями, с внутренним управлением вероятностной силы, с предельно развитыми способностями воздействовать на исторические события. Вариант второй состоял в том, чтобы прекратить опыты и закрыть все лаборатории вероятностных потенциалов.

Что сделала в таких критических условиях эта сверлийская раса, эти Простименя-господи? Они перешли на Землю и остались на Земле, воплотившись

в те или иные человеческие особи. Они приняли облик людей. В результате этого перехода между Сверлией и Землей образовалась Дыра.

Если сверлиец проходит на Землю и возвращается обратно, то граница между двумя мирами дышит, Пограничье пульсирует. Если он проходит и не возвращается, ткань Пограничья начинает рваться и расширяется до отверстия катастрофических масштабов. В эту огромную разросшуюся дыру хлынула гибель Сверлии. Цивилизацию Сверла начал заливать океан. Почему эта хлынувшая через край стихия оказалась губительной для подобных божествам сверлийцев?

Помимо представителей разных рас в Сверлии есть существо, которое зовут Кружевницей. Кружевница – это Богиня Судьбы Сверлии, а по сути это сама по себе ее судьба. Она присутствует в разных ипостасях. Подлинные венецианцы, например, знают ее в виде старухи. Я встречал венецианцев, которые видели эту старуху. Я сам наблюдал эту старуху, например, на полотнах Тинторетто и некоторых других мастеров.

У итальянцев есть такое выражение, «*farlave`cia*», «старушничать». «*Farlave`cia*» – это блики, которые образуются на стенах венецианских домов, мостов и набережных в результате игры уходящих лучей солнца по воде. Такие переливы солнечно-морских бликов венецианцы называют старушничанием, игрой смеющихся морщинок. Это проявление сверлийской Кружевницы. Каждый вечер она старушничает на закате.

Старушка Кружевница беспощадна. Когда образовалась Дыра между Сверлией и Землей, через судьбоносную Кружевницу цивилизации Сверла была назначена гибель. Вердикт был оглашен в согласии с законами,

сформулированными в Сверлийском Уставе. Кружевница уничтожила Сверлию в прошлом, потому что Океан Предстоящего, т. е. океан посюстороннего мира, уже хлынул в расширяющуюся Дыру. Но в настоящем и в будущем, где тоже располагается и будет располагаться Сверлия, уничтожение еще не нахлынуло на нее, не поглотило ее бездонными и всеохватными объятиями Кружевницы.

Проведав о нависающей угрозе, о спасении Сверлии задумались ее властелины – царь Упырь и царица Лядище. Родной город сверлийской царицы – это Ляды, располагавшийся на территории бывшей России. Помимо Лядици этот город известен тем, что в нем родился и жил великий еврейский мудрец и каббалист, один из самых таинственных хасидов на Земле, – рабби Шнеур Залман из Ляд, который написал книгу «Тания», где под видом еврейской мудрости он открыл некоторые сокровенные сверлийские тайны.

Так вот, Лядище и венценосный ее супруг Упырь пошли на беспрецедентный акт, направленный на спасение своей родины. Дело в том, что царственная чета никогда не трахалась. Упырь не нашел бы времени трахнуть супругу Лядищу, если бы не угрожающая Сверлии гибель. Царь оторвался от сакральных игр с огромными сверлами и наконец посвятил себя супружеским обязанностям во имя спасения державы. Упырь и Лядище трахнулись один раз в Священном Сверлийском Стогу. Трахаться в Стогу крайне опасно: если в результате совокупления будет зачат и родится младенец, он будет обладать невероятными силами и способностями. Стог наделит его такими дарами, что с равной долей вероятности этот ребенок может стать как Спасителем, так и Уничтожителем всего и вся.

В результате единственного совокупления властителей на свет появился Сверлийский Принц. Когда-то в прошлом он принимал облик Кносского Принца Лилий. Его облик в настоящем не известен. Это невероятной силы царственная особа – подлинный властелин Сверлии, герой, маг, мудрец и жрец.

Участь и миссия этого юноши заключаются в том, чтобы спасти Сверлию от гибели. Он – единственный, кто на это способен. Ему предстоит столкнуться с Кружевницей, которая уже уничтожила Сверлию в прошлом.

Сверлийский цикл, который начинается с вышедшего в свет романа-оперы «Сверлийцы», рассказывает о приключениях Сверлийского Принца в настоящем, прошлом и будущем во имя спасения Сверлии. Цикл начинается с нескольких глав, описывающих 49 дней Инициации Принца.

В первой (романной) части книги фрагментарно описывается жизнь Сверлийского Принца в Северной Столице, где он переживает посвящение. Вторая (оперная) часть рассказывает о событиях, которым суждено произойти через тысячу лет, начиная с 3004 года. Вторая часть представляет собой взгляд на то, как в грядущем будут сочиняться оперы, посвященные героям нации, к числу которых, собственно, и принадлежит Принц.

Жанр книги, роман-опера, – это единственная возможность найти какие-то соответствия сверлийскому духу. Дело в том, что, когда сверлийцы перемещаются в пространстве, они не ходят, а танцуют. Наблюдениями за остаточными отголосками цивилизации Сверла можно поделиться с друзьями, например,

перенеся их в начало I тысячелетия в Средиземноморье. Другой возможный вариант заключается в том, чтобы поехать к грекам или к итальянцам и понаблюдать за их походкой после того, как они выпьют вина. Мы заметим, что после того, как вино поступило внутрь, в их походке появляются танцевальные элементы.

Что делает с нами вино? Оно пробуждает ангелов в крови. А ангелы в крови – это дальние отзвуки того, что мы называем сверлийскими сверлышками. От этого пробуждения ангельских сверлышек и возникает танцующая средиземноморская походка. Ведь именно сверлийцы когда-то в глубоком прошлом подвигли людей на культивацию винограда.

Из романа-оперы мы не узнаем, ни чем закончилась миссия Принца, ни того, сгинула ли Сверлия или нет. Эта тайна останется сокрытой. Но книга раскроет перед читателями другие загадки, те, без которых невозможно понять, как Принц противостоит и будет противостоять Кружевнице.

Роман-опера «Сверлийцы» приподнимает завесу над одним из тайных сверлийских ритуалов, над ритуалом выращивания священных свёрлышек. Эти свёрлышки произрастают и культивируются в Сверлильнях. Обычно Сверлильни устанавливают для своих сверлийских чад их матери и кормилицы. Священные Сверлильни представляют собой особого рода почву, которая упоена мечтаниями, стенаниями и грезами Стога из Синего Сена. Обязательной примесью для этой почвы служит прах, собранный матерями и кормилицами на Земле с могил земных праведников.

Почва Сверлилен обретает волшебные свойства в определенное время года, которое рассчитано по числам, по дням и по секундам. Все это связано с циклами, которые раскрыты для землян в мистериях. Подобно тому, как, например, мистерии Элевсина проводятся в строго определенные движением светил и созвездий часы, сакральный посев в сверлильнях осуществляется ровно тогда, когда солнечный свет сменяется на лунный и смешивается со светом звезд. Эта смесь лунного и звездного светов поступает в культовую землю Священной Сверлильни. И тогда внутри Сверлильни образуется семечко Свёрлышка.

Когда Свёрлышко произрастает на поверхность, оно изымается и переносится в кровь проходящего Инициацию юноши или девушки. Свёрлышко вступает с ними в симбиоз, оно становится неотъемлемой частью его или ее природы и должно прижиться в сверлийском организме. Свёрлышко – это одухотворенное существо. Оно начинает жить вместе с юным сверлийцем. Для осуществления симбиоза требуется 49 дней. Случай, когда Свёрлышко не может прижиться и приводит к гибели сверлийского организма, невероятно редки.

Достигнув симбиотического единства, Свёрлышко участвует в дальнейших приключениях сверлийской магии. Оно снабжает своего носителя невероятными способностями. В результате симбиотического слияния Сверлиец получает возможность исчезать, обретает дар телекинеза, может перемещаться по снам к другим людям.

Есть стадия развития Свёрлышка, которую достигают не все сверлийцы. Для того, чтобы стать орудием познания или орудием смерти, это Свёрлышко должно выйти за пределы того организма, с которым оно находится в родстве

после и в результате инициации. И тогда требуется инструмент, в котором оно будет жить. Таким инструментом становится Дрель. В зависимости от своего статуса дрели подразделяются на Серебряные, Золотые и Платиновые. Дрель – это оружие и универсальный инструмент далеко не всякого сверльщика. Ни один землянин никогда не владел Дрелью и даже не находил ее. В случае, если сверлышко поселилось в Дрели, владеть ею сверльщик обучает особая раса – Дрейлеры. Дрейлер – это носитель сверлящего инструмента и непревзойденный мастер обращения с ним.

В борьбе Кружевницы со Сверлийским Принцем серьезное значение получают представители расы Легионеров. Их называют Сверлёныши. Сверлёныши – это сверлийские резиденты, которые были внедрены в разные исторические эпохи земного времени и рассеяны в человеческой истории. Эти агенты принимали облик людей. Их миссия заключалась в том, чтобы в определенный момент очнуться и выполнить то, что называется идентификацией со Сверлийским Принцем.

Оказалось, что один из Сверлёнышей – это я, Борис Юхананов. Более того, я – Последний Сверлёныш. Когда-то я прошел основательную подготовку, как это делает каждый сверлийский резидент. Я был заслан в разные эпохи. Все мои земные реинкарнации связаны с этой засланностью. Я находился на постоянной связи со Сверлией. Эта связь держалась за счет определенной диеты. Более того, обученный как резидент, эту диету я всегда записывал в дневнике.

Если вы ведете дневник и подробно фиксируете, что ели утром, днем и вечером (весь свой дневной рацион), то это не что иное, как последние отблески сверлийского резидентства. Нас учили именно такой дневниковой кодировке

информации. Я вел свой гастрономический и дегустационный дневник годами. Но я не получал никакого ответа, по каким-то причинам связь с цивилизацией Сверла оборвалась. Никто из Сверлии со мной не связывался, никто не передавал мне сигналы азбуки Морзе, и никто не говорил мне: «Действуй!» Естественно, я стал забывать, кто я такой, начал жить спокойно и размеренно.

И в тот момент, когда сверлийская миссия окончательно выветрилась из моей памяти, связь резко возобновилась. Я очнулся, потому что до меня дошел Луч. С этого момента я должен описывать Сверлийскую цивилизацию, рассказывать о Принце, ставить видеооперы. В этом заключается моя миссия. Если сформулировать ее кратко, она состоит в том, чтобы содействовать проникновению Сверлии в посюсторонний мир.

Первое, что мне, Борису Юхананову, пришлось сделать под своим здешним земным именем – это написать и выпустить книгу. Я издал первый том Священной Сверлийской Истории. Этот том появился, исполненный сверлийских текстов, сверлийской графики, грации, смысла, намеков на историю Сверлии, на сюжет, на структуру. Сама книга подает сигнал. С этой секунды начинается сверлийская игра, стартует «Сверлийский проект». С этой секунды он начинает проникать, кружиться и действовать.

Сейчас я переживаю Идентификацию со Сверлийским Принцем. Идентификация – это ритуал, благодаря которому Сверлийский Принц проникает в сущность одного из резидентов, а, на самом деле, всех агентов Сверлии, и как бы откладывает в них яйца своей судьбы. Я – носитель яиц судьбы Сверлийского Принца.

В результате такой Идентификации происходит следующее: Сверлийский Принц становится неуничтожимым в боях и приключениях до тех пор, пока не уничтожат всех носителей этих яиц. В чем-то он подобен Кощею Бессмертному, его невозможно убить, пока не откроется, в каком из яиц покоится игла его жизни. После того, как он переживает Идентификацию, например, со мной, убить его практически невозможно. Принц должен быть таковым для борьбы с Кружевницей. Это общая для всех резидентов Сверлёнышей функция. Но, помимо нее, у каждого из нас есть своя, отдельная. Моя миссия состоит в том, чтобы содействовать проникновению Сверлии в земную цивилизацию.

Грядущее возникновение Сверлии через посюсторонний мир приближается не только посредством написанной мною книги. Тайное свидетельство о зарождении цивилизации Сверла, косвенно и закодировано, присутствуют в пророчествах о симбиозе человека и техники, которые были озвучены американским футурологом, изобретателем и пророком технологической сингулярности по имени Рэймонд Курцвейль. Родившийся в 1947 году Курцвейль как-то заявил: «Я буду бессмертным...».

Начиная с 80-х годов, он предсказал зарождение инновационной техники, он предвидел возникновение и распространение мобильных телефонов, компьютеров, беспроводного интернета. Курцвейль – главный технологический пророк мира. Сейчас Google и NASA выделили на его персону миллиарды долларов, чтобы он открыл свои институты и продолжил исследования и предсказания.

В своих пророчествах Курцвейль говорит, например, о том, что к 2023 году компьютерные операции достигнут таких скоростей и объема, что смогут полностью заменить собою работу мозга. Потенциал компьютера разовьется настолько, что внутри своего процессора он сможет полностью смоделировать работу головного мозга со всеми триллионами операций, которые этот мозг осуществляет. Такой процессор можно будет приобрести за 1000 долларов. А еще через три года по скоростным параметрам компьютеры превзойдут работу мозга в тысячи раз.

Человек будет стремиться к симбиозу с компьютером по принципу взаимодополнения: человек обладает интуицией, а у компьютера есть превосходные вычислительные и скоростные возможности. Типы симбиозов, которые достигнут человек и машина, будут варьироваться от замены внешнего вида людей до сканирования, скачивания и хранения содержимого их мозга. Развитие нанотехнологий дойдет до того, что мельчайшие импланты, проникая в наш организм, очищая клетки в нашей крови, смогут лечить и даже заменить нездоровые органы. В этом смысле человек получит способность трансформировать свой внутренний и внешний мир и станет практически бессмертным. Именно в этом смысле о собственном бессмертии заявил как-то и сам Курцвейль.

Нанотехнологии позволят создать наблюдательную обвязку Земли: каждый миллиметр планеты попадет под контроль микрокамер, изображение будет транслироваться, писаться, складываться и архивироваться. Поскольку все будет видимо и прозрачно, исчезнет преступность, традиционно прячущаяся

в тени и в темноте. Этот контроль радикально изменит облик существования Земли.

Параллельно будет стремительно развиваться трансформирующая технология, которая из разного рода нейтральных материалов будет производить все, что угодно. Условно говоря, в специальном аппарате можно будет производить и чернильницы, и строения, и растения, и носы, и глаза, и внутренние органы человека.

Кроме того, симбиотические единицы человекомашин начнут проецировать для себя разные варианты телесного существования. Например, меня (тебя, его, ее) можно будет сцедить в компьютер, который полностью меня (тебя, его, ее) сохранит и заархивирует. Для машины это будет все равно, что скушать манную кашку, потому что ее вычислительные способности превышают мои в миллион раз. Потом компьютер сделает для меня новое тело и вошьет меня внутрь этого тела. Таким образом, я смогу получать невероятное количество тел разных полов и возрастов.

Слившись с компьютерами, люди по сути породят новую расу, возможности их будут совершенно несоизмеримы с возможностями просто компьютера и просто человека. Возникнет новая раса, которую будут называть Силами.

Обычные люди, которые не захотят сливаться с машинами, будут продолжать жить своей земной жизнью, но большинство человечества переместится в облик этих Сил. Трудно будет пересчитать количество телесных обитателей Земли, потому что один и тот же человек сможет изготовить для себя несколько мужских и женских тел разных возрастов, переливать свое сознание внутрь этих тел или сцеживать его оттуда внутрь цифровой памяти.

Помимо этого, Силы будут заниматься формирующими делами – создавать ландшафты, планеты и галактики. В итоге такого развития Сил наступит момент, далее которого Курцвейль признается, что он пророчествовать не может. Возникает зона профетической неопределенности. Эта неопределенность будущего состояния мира, населяемого симбиотическими существами, называется технологической сингулярностью. Такая профетическая неопределенность и есть эффект, граница, черта, после которой отмирает какая-либо возможность для прогностики.

Но Последний Сверлёныш в моем лице знает, что произойдет и происходит по ту сторону этой границы. Силы создадут Сверлию. Цивилизация Сверла – это и есть главное творение этих Сил. Силы создают и распространяют Сверлию в разные эпохи, одновременно в отдаленном будущем, актуальном настоящем и глубоком прошлом.

При этом сами создатели Сверлии собираются в отдельную единую Силу, которая получает имя Кружевницы. И теперь их ребенок – Сверлия – оказалась втянута в войну с собственными родителями.

ОКЕАН ПРОНИКАЕТ

Поезд влечет Принца в Европу. Он идет по коридору. Останавливается и прислоняется к стеклу.

ХОР ЛУЧИСТЫХ ДУХОВ:

Купы линии деревьев
На пшеничные просторы
На песочные проборы
Навевают танец-блеф
Но светило ярость тряску
Запускает сквозь стволы
Искажая танец в пляску
Своей огненной иглы
И тогда кружась и тая
В хороводах запасных
Мимо духи пролетают
Плавая в лучах косых

В этом поезде, который, как тоннель, стремительный и неотвратимый, выводил Принца из Сверлии, замороженный проносящимся пейзажем, его непрерывной подвижностью и целостностью, Принц вместе с изменениями заоконного пространства в смиренном удивлении наблюдал, как и внутреннее его исполненное высокой сверлийской прихотливости в здесь и сейчас этого отчаянного путешествия, этого рывка наружу неотвратимо сползало к принятию в себя европейского духа. Он различал, как подкрадывается к нему соблазн скепсиса, как увлекает его этот соблазн, как поддается ему душа, проникаясь особого рода игровым настроением, в котором, как в мясорубке, заново проворачивались все устои сверлийской жизни, формируя Азарт аннигиляции. Он ощутил этот азарт. И уже на подъезде к Голландии он понимал, что в очередном его будущем, предстоящем, как следующий этап, спрятано особое испытание для души. Испытание аннигиляцией. И радовался этому, как может

радоваться ребенок аттракциону, например американским горкам, где душа возносится, чтобы упасть, и падает, чтобы вознестись, с замиранием духа.

ХОР ЛУЧИСТЫХ ДУХОВ:

Пойти на стражданье разрыва
На вызов всполохов конца
На выдох гибельного срыва
В преображении Отца
Или в преддверии дворца

Паяц вжимаясь в ортодокс
Не ведает своих границ
Как всякий пленник парадокса
Пытаясь вырваться из доксы
Он метит вверх
Но должен вниз

Поезд прибывает в Роттердам. Принцу тяжело и легко одновременно. Он знает, то, что внутри него замешалось, а теперь уже и сгустилось в особое отчаянное и рискованное настроение, он истратит полностью здесь, в этом городе, пережившем смерть и возрождение, то есть городе, так же как и сам Принц, пережившем самого себя. Пока он гулял по ветреным улицам европейских городов, внутренним взором различил он себя юношей, спешившим к своей «Независимости». Вот он долго одевает «Колодки» – это квадраты неких деревяшек, перламутрово-лакированных, из красного дерева, на ремешках. И внутренний голос его гудит в тайной глубине разворачивающегося в душе фильма настырным комментатором. В Сверлии такой эффект слышания самого себя называют «Эффектом Проникновения Океана». Ему посвящают картины и радиопередачи, сны и стихи. Так на одной картине, которая постоянно вспоминалась Принцу как всегда в Сверлии немножко живой и колышущейся, играющий на палубе в бадминтон юный влюбленный тянется за воланом, ускользающим за борт, и валится в воду. А на другой картине, идущей как вариация этой же, купающийся влюбленный притягивается возлюбленной и попадает на глубину. Там возлюбленная, как типичная сверлийская русалка, вся лучится отливающим зеленоватой синью длинным сверлоподобным телом. Океан уже поджидает Сверлию.

В этих картинах остро слышалось «Предчувствие Океана». Вся серия так и называлась. Принцу отдавалось это предчувствие особенно резко здесь в Европе. Всё становилось настолько сильным, что казалось, тревога постепенно заполнит все его сознание. В Сверлии так всегда – когда Океан предстоящего проникает в настоящее, сознанию чутких – кранты. Принц понимал, что этим путешествием ему выделено особое время, которым он обязательно должен воспользоваться, потому что, когда сверлиец выбирается наружу потусторонней жизни, он как бы лишается будущего и прошлого и вместе с этим временного измерения как такового. Его внутренний «Потребитель» диктует ему спрос на сейчас, но волан уже летит за край корабля. Океан проникает.

И тогда душа его вспархивает – вспархивала – вспорхнет от тела в образе голубицы, крылья которой покрыты серебром, «ибо в сердце властвует левый столп разума, который лишен милосердия и может сжечь мир,... а легкие несут тайну правого столпа, тайну милосердия, и потому ветер, несущий тайну милосердия правого столпа, исходит из трех первых сфирот Зеир-Анпин, и смягчает его... Начал и продолжал: «И пролил Господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь от Господа с неба» (Берейшит (Бытиё, 19:24)) Почему он их сжег? Ибо крылья легких не несли ветер в тот час на излучение левого в сердце, и это излучение сожгло их. И тайна этих крыльев легких в написанном: «Голубица, крылья которой покрыты серебром» (Псалмы, 68:14). «Голубица» – это царство, которое оторвалось от левого столпа разума в аспекте сердца, и оно должно быть «покрыто серебром», несущим тайну милосердия. Когда оно покрывается серебром, ангелы Рафаэль и Цидкиэль выходят из него, чтобы вылечить и спасти мир. И о них сказано: «Ты творишь ангелами Твоими духов» (Псалмы, 104:4). «И духи эти (ветра) дуют на огонь сердца, чтобы пробудить милость и милосердие». (Зоар «Парашат Пинхас» (401)).

ОСКОЛОК

В тот день Принц, как друид, праздновал затмение, то есть небесный брак Солнца и Луны. В этой одновременности двух светил, в их увлеченности друг другом он получал освобождение от обоих. Это особое освобождение, будто кто-то, кто держал его как камень в ладони, на время отложил камень. И эта фраза старого Авра, напомнившая ему мудрость из посюстороннего священного текста, засела в нем неспешным размышлением. «Время собирать камни». Через сорок девять дней Принца ожидал отъезд, а сейчас он был занят древней человеческой мантрой – «время разбрасывать камни, время собирать камни». Он понимал, что здесь не только существенно «разбрасывать» или «собирать», но и сами камни. Ему хотелось думать именно о камнях. И то, как эти камни связаны с его жизнью: то ли тщета жизни, то ли тайные её этапы. В главном труде Сверлии по актерскому мастерству, который назывался «Лепестки цветка», так же были отмечены этапы актерского созревания. Негибаемая градация жизни, известная древним. Как-то она проявится в его дальнейшем?

Теперь он был твердо настроен доверять предчувствиям и тонким ощущениям, без перепроверок. В перепроверках предчувствия гаснут или разбухают до комментария, вместо источников действия они оказываются путающей периферией, наделяющей жизнь сомнением; так обочина дороги могла бы свихнуться и начать управлять движением по каким-то одним, ей известным, импульсам, жилам, пуская автомобили, пока не закупорит их в бесконечную пробку.

Сегодня вечером его ждали в двухэтажном легком особняке. Там всем управляла Китайка. Но он почему-то медлил. Усевшись на балконе спиной к улице, он ногами распахнул створы дверей, ведущих в центральную залу

своей квартиры, и наблюдал, как по серому пушистому свитеру, брошенному на близстоящее кресло, ползает бражник. Так вот, наблюдая за бабочкой, он и уснул.

Сны для сверлийцев – это проходы. Их с детства обучали пользоваться ими. Окутанный сновидческой аурой, незримой ни для кого из живых и бодрствующих, он отправился в особняк Китайнки, туда, где поджидал его зарождающийся роман. Только для нее быстрым шепотом на ушко он выдохнул: «Я иду кататься на велосипеде, и буду ждать тебя у калитки сада». Китайнка, не знакомая с такого рода фокусами, замерла на секунду посреди своего монолога, в котором она убеждала гостей, что Принц придет с минуты на минуту.

Когда он открыл глаза, бабочки на свитере уже не было, а затмение исчерпало свою власть над его сознанием, и он опять почувствовал притяжение великих светил, а вместе с ним неотвратимый зов ночи, ведущей, как портал, в следующий день, приближающий его к отъезду.

Роман с Китайнкой уже начался, то есть так могло показаться постороннему, если бы он заглянул в ее особняк две недели тому назад, где Принц, вместе с этой узкоглазой европейкой занимался обычным для него в последние времена делом – помогал девушке советом и деньгами. Денег он не считал, а вот совет превратился в целое Дело. Они на двоих сочиняли сценарий на тему «Потоп», предложенную Китайнке на курсах операторского мастерства, где ей предстояло по этому сценарию снять свой первый короткий фильм. Принц, будучи Лилией грёз – так называли в Сверлии виртуозов Облучающего посвящения, – впервые принимал участие в фильмических забавах людей. На мгновение он позволил себе отдаться Обратному прикосновению, чтобы найти соответствие своим ощущениям в земном, и тотчас обнаружил себя на льду обутым вместо коньков в лыжные ботинки.

В бумажной комнате живут бумажные люди с бумажным пейзажем за окном. Туда начинает постепенно проникать вода. Никогда до этого момента бумажные люди с водой знакомы не были. Вода прибывает постепенно, неспешно, но неотвратимо. В результате бумажные люди, пытаясь спасти хоть что-то или кого-то, бегут из комнаты и оказываются на улице. Там дождь. Все бумажное в них гибнет. Два голых существа среди толпы.

Здесь, когда общую тему они уже набросали, Принц предложил Китайнке разделить: она будет представлять Его поведение, занятия, а ему останется Она. Появилась бумага, и Китайнка стала с увлечением строить пирамиду и сфинкса – плюс пустыню – из этой бумаги. Принц принялся за бумажные цветы, куколки и стал кормить из миски бумажную кошку бумажной мышкой. Когда бумажная кошка съела бумажную мышку, бумажный хвостик не уместился и смешно торчал изо рта. Здесь-то и явилась первая капля прямо на хвостик. Следующая капля попала в бумажную миску бумажной кошки. Он в роли Её дарит ей в роли Его свой бумажный цветок, но цветок не применим в пустыне. Она откладывает его. У цветка ломается лепесток. Она чуть-чуть грустит, удивляется воде в миске, пробует пальцем, одним, вторым, бумажные пальчики намокают. Отдергивает. Смотрит в окно. Там бумажный пейзаж – большой бумажный пес оседлал большую бумажную суку. Она показывает

ему намокшие пальцы. Он исследует потолок, кота, берет миску, выходит из комнаты, идет по коридору, ставит миску в угол. Она сидит и грустно смотрит на размокший палец. Он подходит к ней, берет руку в руку, гладит, идет к столу, делает два колпачка и одевает ей на пальцы. Он смотрит на нее, она разглядывает пальцы в колпачках, потом смотрит на него. Он идет к «шуршателю» и включает его, они танцуют. Струя воды из потолка разрушает «шуршатель». Вода течет по стенам, по полу. Заливает пустыню. Вода подбирается к ножке стула, стол обрушивается в воду. Она берет кошку на руки. Пытается спасти цветок и кукол, но к ним не пройти – вода подбирается к ее бумажным туфлям, капает ей на плечи. Он спешит к «шуршателю», от него к столу, от стола к ней, резко хватая ее на руки. Страшно мяукая, падает кошка. Она вырывается у него из рук, чтобы поднять кошку. Он бежит с ней к двери. Кошка размокает в воде. Он бежит с ней по коридору, по пути наступая на размокшую миску, вода растекается по полу коридора, он распахивает дверь на улицу. Там – солнце, люди настоящие. Кто-то закуривает на ходу, спешит мимо, кто-то пьет из бутылки, присосавшись к горлышку. Он с нею на руках инстинктивно хочет вернуться, но из коридора на улицу уже течет вода по крыльцу. Он осторожно ступает на асфальт, ставит ее на ноги, люди спешат по улице, толкают их. Они отступают по тротуару к проезжей части. Там с ревом сигналист машина. Первые капли дождя падают на их бумажные колпаки. Люди открывают зонты. Он оборачивается на зонт, пытается укрыться под зонтом, его отталкивают. Он пытается вырвать зонт, его бьют. Она пытается его защитить. Дождь уже вовсю смывает с их тел последние остатки бумаги. Голые существа посреди дождя.

Они называли эту короткометражку «Конец бумажного мира». В тот час, когда сочиняли ее, Принц чуть-чуть воспользовался своей сверлийской силой и обострил чувства до Иллюзии воплощения, таким образом, последнюю сценку Китайка в его облики пережила вплоть до синяков. Потом, когда позвонила в дверь ее зубастая широкоскулая подружка, как истинный хронофаг, она показалась им воплощением всего человечества. Иллюзия воплощения так всегда действует, синхронизируя мысли и отношения. Они сразу поняли, что та пришла красть ночь, вечер, часть утра. Холодное, вечно голодное, теперь еще и истеричное существо, объятые ядом тусовочного пламени, – хищник, хищение, хрящи, харчи.

Когда Принц вернулся к себе, раннее утро в соответствии с Уставом коснулось души Силеневым часом. Но сирень расцвела в душе, а не в утре. Каждый сверлиец даже в эти набухающие смутой времена мог нерасчетливо пользоваться свойствами своей душевной природы, или она, эта природа, могла, когда хотела, напоминать о себе. Сирень распространилась в сознании не столько цветом, сколько запахом, и он оказался на Лугу, у Стога, рядом со своим Наставником. Авр, как это часто бывало, держал в мощной загорелой руке тонкий стебелек за самый кончик спирали и умело вращал его двумя сильными пальцами. Спираль проходила между ними, контролируемая осязанием и мыслью, вся целиком во всех излучинах своего хрупкого бытия. Авр не смотрел, он прощупывал. Медитация осязания. Но первые слова, которые он

обратил к Принцу, были о городе: «Мы приумножаем город, хотя он и не дает для этого оснований, особенно ты, со всеми твоими китайками и их вечной тусовкой. В тебе заключена естественная поэзия – это не чувство, не влюбленность, просто она стремится вырваться наружу, как сперма. Помни о Законе сверла. Переменная кривизна всегда свергает, в конечном итоге, с престола круг. Вам, молодым мужчинам в городах, особенно в Северной Столице, пора носить паранджу». Вот и всё, что запомнилось Принцу, потому что утро уже созрело, и сирень в душе больше не могла сопротивляться городскому шуму и суете. Вдруг из тающего Луга густой бас Авра прогудел, раскалываясь на множество эхоподобных голосов. Но ничего внятного до внутреннего слуха Принца уже не донеслось оттуда, где Стог и умирающий учитель претерпевали свою последнюю вечность. Разве что вот эти несколько слов: «Мрамор низвести до пуха».

Как всегда утром он завтракал один. Вперемешку с нектаром и манной кашей листал одного незамысловатого, но приятного ему своей точностью человеческого философа: «Чтобы субъект существовал для мира, следует вложить мир в субъект, вот эта-то скрюченность и образует складку между миром и душой, и она придает выражению его фундаментальное свойство: душа есть выражение мира (актуальность), но именно потому, что мир есть выражаемое душой актуально (виртуальность). А значит, Бог создал выражающие души

только потому, что он сотворил мир, выражаемый ими посредством включения: от инфлексии к включению»*.

* В тексте используются скрытые цитаты и парафразы из разнообразных исторических, эзотерических и философских человеческих текстов. Исчерпывающие указания на источники будут приведены во второй книге Сверлийского цикла. (Из дневника Последнего Сверлёныша.)

Вкус манной каши, когда ее полили нектаром, можно сравнить с чем-то, чего никогда не пробовал ни один человек, а именно с куском сочной дыни, только напрочь состоящей из кристалла морской волны. Эту волну невозможно жевать, а тем более пережевывать так же, как невозможно сосать или лизать. Ты отламываешь от нее кусок ровно на величину серебряной ложки и дальше осторожно вкладываешь его в рот так, чтобы волне было удобно совершить все остальное самой, т.е. взорвать твоё сознание наслаждением протертого мира, прояснить до грациозной сквозящести и возвести в степень мгновенного покоя. Ансамбль умных ветерков, где мышление обретает уверенную связь с душой, может долго длить эту связь, поднимаясь по ступеням абстракции и подготавливая себя к контакту с тем типом диктовки, что не различим для смертного сердца. Здесь нельзя переборщить.

Принц отодвинул тарелку, закрыл глаза и полностью отдался Первому Утреннему вознесению. Темой его медитации была любовь, но открывалась она не теми гранями, что пропускают сквозь себя райский свет, а в ипостаси опасности для всего земного и смертного, как может быть опасна атомная энергия. В утреннем уроке медитации Принц не столько учился управлять, сколько осторожно прикасался мыслью к тем излучинам света, что заряжены предстоящей катастрофой.

Последняя по пути к нему расколовшаяся фраза Наставника вдруг открыла один из своих смыслов, когда он подумал о неудержимом натиске топоиной

спермы, что обрушился на город как возмездие для аллергиков, дворников и сейчас переживался Принцем как злобная карикатура на Великое Цветение, среди которого развивалась сверлийская цивилизация.

Он стоял на балконе и следил за полетом тополиного пуха, складывая внутри себя очередные акынские строчки. Этот стих он никогда бы не позволил себе запомнить, если бы не послание Авра.

Тополиная сперма
Сперва
Была словом
Вся
Как на духу
А теперь
Лишь слова
Я сегодня
Не первый
У кого голова
В тополином пуху

Стих не прибавил понимания, но приблизил к смыслу того, что хотел передать ему старый луговой сибарит. Принц думал о земных писателях и поэтах, о философах и художниках. Они, как это свойственно всему земному, пухом своих произведений размножаются в сознании людей. Так и мрамор, что украшает их здания, при правильном восприятии оказывается благотворящей спермой, что может оплодотворить душу новым, подчас чудесным существом. И тогда от этих мраморных строчек может подняться к тебе истина, конечно, если ты человек, то есть влагалище судьбы, и проникнуть в сердце, во все существо, просветляя жизнь. И дальше тебе предстоит, осязая просветленным сознанием себя и окружающий мир, раствориться в ней, в этой проникшей в тебя истине. Так, им, людям, дано духовное размножение, образом которого носится над улицами Северной Столицы тополиный пух.

Оставаясь древним сверлийцем, Принц холодно пережил это осознание способов земного восприятия истинной красоты, но с трепетом и содроганием понял сущность самого послания старого Кентавра, и оно поразило тревожным предчувствием сверлийское сердце. «Научись быть человеком» – послание как осколок, теперь уже надолго, если не навсегда, застряло в нем.

НЕ БЫЛО АРТЕМИДÓРА

Квартиру ему подготавливали несколько месяцев. Лядище специально выезжала в город, чтобы выбрать достойный особняк. По сути квартира и была особняком. Апартаменты Принца располагались на последнем этаже. Первый этаж был объединен с бельэтажем, и все пространство было выделено изнутри. Лядище сама проследила за тем, как священную луговую землю брикетами укладывали. Вначале рядышком друг с другом, а потом уже

специальными золотыми граблями превращая в пол-настил. Необходимых полметра высоты показались недостаточными, и она добавила неровный слой на свое усмотрение: 10, 15, 12 сантиметров, где как, по всей площади. Поливальные устройства установили на стену вместе с механизмами, так что Малая Сверлильня была организована сообразно Культуре. Сами свёрлышки взошли к осени. Тогда-то в квартиру-особняк и въехал Принц, получив необходимую для юноши свободу, не обремененную ничем, кроме предстоящей ему Городской инициации.

Изменчивая Северная Столица принадлежала уже не только Сверлии, участились темпоральные каверзы: посюсторонний мир периодически накрывал город, насылая устойчивые галлюцинации, вместе с ними проступала обычная для людей сутолока, исполненная дел и забот, автомобильных выхлопов и всех тех нехитрых свойств человеческой цивилизации, которые так привлекли к себе простигосподей. Остановить этот процесс уже никому не дано, но начался он в те давние времена, когда каждой из сверлийских рас было по силам в одиночку справиться с любым нашествием, тем более, как тогда казалось, столь призрачным и недолговечным, как эта смертная земная забавная жизнь-возня посюстороннего мира.

Издавна каждый сверлиец метаморфозу перехода в человеческое переживал как приключение, как аттракцион. Тогда не принято было об этом говорить. Это как сны у людей, как фантазмы. А теперь что-либо изменить невозможно.

Принц еще в Сверлии упивался отдельными проявлениями человеческой культуры, такими, например, как стихи Кавафиса. Особенно одним пятистишием:

Предстоящее
У Аполлония Тианского сказано:
Боги знают грядущее,
Люди настоящее,
А мудрецы предстоящее –
То, что на пороге, всего страшней.

Этот стих он повторял на новогреческом, когда, вселившись в свою квартиру-особняк, воспользовался Правом первой ладони, последовательно возложив её на каждую из белых стен своей спальни.

ИЗ ДНЕВНИКА ПОСЛЕДНЕГО СВЕРЛЕНЬША. Из-под ладони на штукатурку струятся вереницей линий и красок образы того не-далекого будущего, которое мне, Последнему Сверлёнью дано сегодня переживать как давнее прошлое, как особенное пограничье, где реальность исчезающей Сверлии оказывается столь зыбкой и столь желанной. Право первой ладони уже отнято у нас временем и переменами в сознании, и даже если я пожертвую собственным будущим, то не смогу излучить образы своих предчувствий не то, что на стену, но даже на водную гладь, столь восприимчивую когда-то к сверлийским интуициям.

Одиночество опустошает, открывая пространство для смены сознания. Я, Последний подлинный Сверлёныш, уже несколько дней брожу вокруг руин того строгого особняка, где когда-то обитал Принц. Выхожу на проспект, петляю среди людей, заглядываю в магазины, как бы заново возобновляя в себе ту конечную метаморфозу сознания, которую здесь, в этом древнем и вечно обновляющемся городе, испытал каждый сверлиец. Человеческое застревает в моем сознании, формируя какой-то новый город, старое сознание расплывается по швам. Кто я? Я не был никогда жителем этого города. Я всегда жил среди них. Теперь я сам житель. Новые старые связи, неизвестные известные адреса, дела и заботы, друзья и подруги. Но во мне еще остались крохи той особенной остроты восприятия, того древнего осязания времени, что позволяет перенестись туда, в те времена, где перекраивалась жизнь моих предков.

Текстологическое навязывает строй, формирует фиктивный дневниковый имидж. Это отвращает от дневника. Начинаешь углубляться и становишься инструментом по выработке текста вместо записи. Запись – текст – забавная оппозиция. Запись стремится к фиксации выговоренного мысленно. Вместе с записью шевелятся губы смысла. Речь короткими выбросами устремляется в текст. Смысл фиксируется в процессе своего возникновения, под воздействием дневникового импульса. Он выкатывается сам из себя, вытягивая собственное бытие из залежей потенциального. Этот процесс всегда на грани остановки, дискретен, поскольку не содержит априорного устремления. Так импульсивна сама жизнь подлинной древней сверлийской души – жизнь, освобожденная от здесь и сейчас творящегося Дела. Дело уже определено в концах и началах, в силу чего «дразнит» своим бытием сознание, вызывая мысли на свершение, подчиняя их себе. Сознание служит Делу. Дневник – это способ отстраниться от этих процессов, выйти на дистанцию к Делу, к делам. Свободная пульсация непредназначенной к «свершению» мысли, или запись случившегося – тубики, в которые упаковывается переработанная реальность, на будущее.

Изысканность внутренней речи. Необходимость превращать, изливать себя в слове, воплощать. Не звуком, не линией. Пункция – слово. Мысль, упрятанная в дневник, утоляет.

Вот, например: век позапрошлый – люди идей. Инволюция. Век проходящий – люди страстей. Инфляция.

Перечитывая в «Хрониках Сверлии» главы, посвященные Принцу, я благодаря искусному и долгому воспитанию все-таки умел проникать в то время и оказываться рядом с ним, поэтому все, что в дальнейшем мне удастся описать, будет результатом того пограничного состояния, где Идентификация как тайное и чудесное мерцание, как особого рода сияние, исполненное инаковой реальности, позволяла мне пережить большее, чем то, на что способно в здесь и теперь мое собственное сознание.

Проза разряжена, ее можно сжать только на мысли или на действии. Описание поганит стиль. Это, как наркотик. Скольжение. Мысль требует преодоления, щелчка, включения света, концентрации. Описание, созерцание по сути – расслабление, слияние. Мысль, отчуждение, дистанция, усилие. Действие – участие. Когда выговаривается что-то из того дальнего и давнего, что даруется Идентификацией, – это как отдать сперму, можно идти спать.

Я пишу этот дневник, как письмо самому себе, где я описываю того, кто никогда не был мною. Письмо в будущее, где, возможно, опять произойдет чудный процесс зарождения прошлого, и Принц сможет прочесть меня как самого себя, как я читаю его. Память моя туга, как каучук. Дневник – кислота. Записная книжка хороша тем, что в ней идешь вслед за мыслью. Но что делать с кислотной текучкой событий, подчас столь трудно различимых, ибо происходят не с тобой? Это дневник, который я веду по Праву последнего, по поручению времени от имени того другого, кем я не буду никогда, и кого никогда не встречал, на исходе той реальности, что отменяет реальность как таковую.

В ответ на предчувствие Кавафиса в тот первый день, когда он обустроивался в Особняке, Принц сочинил свое в форме Отменяющего вердикта. Мне до сих пор кажется, что он вычеркнул тогда из истории не Артемидора, а меня. Такие вот каверзы. Темпоральные каверзы.

Артемидор с предупреждением
Дождался отдал Цезарю
И вот начало фильма
Смотрит
Как тот никак не может прочесть
Почему не сказал
Не крикнул
Не было Артемидора

БЫТЬ ГАРМОНИЧНЫМ

В первую ночь Принц долго не решался спуститься вниз в Малую Сверлильню, однако, когда уже взошла Госпожа Луна, и медлить больше было нельзя, он, как это положено Уставом, на мгновение вышел из своего сознания, пронесся к светилу, пригоршнями зачерпнул серебра и не спустился, а скорее нырнул, к свёрлам. В ту сокровенную ночь он выбрал одно легкое и не вполне созревшее. Обучение сверла серебром – процесс, требующий особенной нежной точности, как кормление птенчика. Свёрлышко нежилось в ладонях, обретая Серебряную статью и Лунное знание, для первого раза достаточные, чтобы проникнуть в плоть и отзываться на легчайшие импульсы. Этому свёрлышку предстояло стать неизменным спутником – участником последующих

приключений Принца в Северной Столице, потом отделиться от плоти и осуществить свое истинное призвание в Утвердительной Дрели, которую Принц возьмет с собой в последнее европейское путешествие, чтобы завершить особенный союз. Но здесь и сейчас внутри этой лунной ночи ни о каких особенных союзах не могло быть и речи, и свёрлышко медленно проникало в плоть юноши, опасно повинуясь Приручающей песне.

Когда Принц вернулся в спальню, чтобы насладиться ожившей на стене фреской, именно тогда осознал, что у него теперь есть дом, человеческое жильё. Ощутил это настолько сильно, что не удержал тоску, и печаль-тоска по луговой оставленной широте развернулась над Северной Столицей молниеносной грозой, стремительно атакующей город молниями – одна за другой. Чтобы отозвать угрозу грозы, ибо неудержанное чувство Принца Сверлии может с тем же успехом, что и создавать, так же спонтанно и разрушать, он позволил выскользнуть из сердца короткому стиху. И стих, умчавшись, тотчас по рождению забрал с собой и эту молниеносную грозу-угрозу.

Молнией молвила
Бездна
Я без дна

Как говорят в человеческих романах, перед ним открывалась новая жизнь, полная не замутненных несчастиями приключений и утоления тех лучащихся потребностей тела и духа, куда уже проникло первое серебряное свёрлышко, первое из тех немногих, что составят счет и ряд подлинной Городской инициации.

Он подошел к стене и позволил себе просочиться в недолгое как бы преамбулическое приключение.

Он с клоунами на машине ездит по городу без документов. Он в офицерской шинели. Оставляет машину, идет в большое помещение типа школы. Там его будущие друзья и поклонники, они занимаются телесъемкой в духе столь любимых людьми репортажей. Но это неразрешенная телесъемка, и Запрет уже навис над ним и над всеми. Слуги Запрета забирают его к себе, но не из-за съемки, а, мол, ну почему он в шинели. Погружаться в Запрет для свободной сверлийской души – это как нырять с горы в прорубь мгновенно с замиранием сердца, особый аттракцион шока, но интересней дразнить чувства, в этой игре можно продержаться дольше, потому он раздвоился. Забавляясь Запретом, он остался в телевизионной команде, чтобы вскоре вспылить из-за оператора, вспылить режиссером, потому что оператор ушел. А дальше продолжились клоуны. Номер в том, что это исчезающие клоуны.

Начальник Запрета с длинными ногами – вот мой истинный противник, мой и Кентаврисы, спутницы-клоунессы. Мы лежим втроем. Он открывает ногой дверь, лежа на кровати. Я – Принц, выхожу что-то искать и к кому-то обращаться. Бегаю по коридорам Запрета и говорю: «Вашему начальнику плохо!» Я говорю это, чтобы они зашли и обнаружили его

с Кентаврисой-клоунессой. И еще я добавляю, это уже искренно, от себя: «Какие длинные ноги у вашего начальника!» А они мне отвечают: «Да, ноги у него длинные». Когда заходят к нему, Кентаврисы-клоунессы нет, идет начальник с помощницами, служанками Запрета. Одна хороша. Ой, как рыжая хороша! Она проплывает мимо меня, выходит из отделения и садится в автомобиль. «Вот, отправляю из города дочь, – говорит мне начальник. – Кто вас знает! Надо подстраховаться». Теперь ему долго придется разбираться, истинному слуге Запрета. А в чем разбираться, он и сам не знает. Таковы забавы исчезающих клоунов.

Отделившись от стены, Принц легко выудил из плоти руки серебристое свёрлышко и почерком, петляющим по штукатурке, отметил для памяти: «Первая ночь. Пробное приключение. Исчезающие клоуны. Через неделю заглянуть к Начальнику Запрета, освободить от навязчивой...» Не дописав, он умчался вслед за грубоватой человеческой мыслью, вдруг позвавшей его. «Я не могу пережить вещь, как свою собственность, только как дар. Дар насквозь. Не владею, не могу владеть. Но если нет моего, значит ли это, что нет меня?»

«Любовь заодно с языком, который ее поддерживает». Тот, кто продиктовал ему эту мысль, предстоял в недалеком будущем. Среди людей он был известен как философ-постструктуралист. Но к сверлийской душе он мог прикоснуться только фрагментами, фрагментами речи, той особенной речи, строй и законы которой диктовала влюбленность.

Старый Авр учил его, «вспоминай, чтобы понять», поэтому Принц решил воспользоваться первым проблеском влюбленности в ту рыжую дочку начальника Запрета, чтобы осветить для себя два фрагмента из двух человеческих текстов. В один короткий всё время вмешивался голос старого Авра: «Неразделенная любовь у людей сама по себе порабощает индивида», – басил Наставник, зачитывая этот фрагмент. И в зачитывании так хитро перемешивал с собственным комментарием, что разобраться, где комментарий Кентавра, где текст человеческого философа, было невозможно. – «Его вечно заставляют ждать, а это...», – тут Наставник сделал огромную паузу. Пауза особенным образом запечатлелась в памяти Принца. Она казалась тем смыслом, что передавался как важный дар беседы, – «постоянная прерогатива всякой власти» – так завершил свое наставление старый хитрец и тотчас продолжил декламировать следующий фрагмент, словно предыдущий был его началом.

Это хитроумное управление несоединимым указывало на метод, где грация, с которой свершался акт управления, неотвратимо погружалась в управляемое так, что управляемому казалось, что оказывающееся было тем сказанным, из которого происходил сам строй его собственного сознания и только ему присущей речи.

«В соляных копиях Зальцбурга, в заброшенные глубины этих копей кидают ветку дерева, оголившуюся за зиму; два или три месяца спустя ее извлекают оттуда, покрытую блестящими кристаллами; даже самые маленькие веточки, которые не больше лапки синицы, украшены бесчисленным множеством подвижных и ослепительных алмазов; прежнюю ветку невозможно узнать».

«То, что я называю кристаллизацией, – гипнотически шептал ему прямо в сознание наставник, – есть особая деятельность ума, который из всего, с чем он сталкивается, извлекает открытие, что любимый предмет обладает новым совершенством».

Авр завершил эту игру фрагментами следующей цитатой: «...были времена, когда мир считали, в основе своей, театром, сном или иллюзией, – или, по-моему добрым словом другого философа, одеянием арлекина; но отличительной чертой сверлийского искусства должно считать не мастерство впадения в иллюзию, как, впрочем, и не искусство выхода из нее. Суть сверлийского на данном этапе, – здесь он басил особенно гулко, выделяя этот данный этап, – в реализации некоторого явления внутри самой иллюзии или же сообщении ей некоего духовного здесь – бытия, возвращающего ее частям и кусочкам, – здесь заржал, пританцовывая всеми копытами и ... хвостом об Стог, после чего сообщил, растягивая во всю ржу, – какое-то совокупное единство – таким образом, кодировал старый пройдоха свое незамысловатое внушение. – Существовать для всех, даже для простигосподей, т.е. даже для предателей рода сверлийского, есть ни что иное, как быть гармоничным...».

ПРОРЫВ ГЕТЕРЫ

Весь день город драконил ветер.

У каждой гетеры на второй год после появления из яйца образуется, как сказали бы люди, эфирный двойник, потому что своей силой преодолеть сопротивление скорлупы она не может, и эта бóльшая, чем она сама, сила образуется в созревающем зародыше тем невидимым и неосязаемым импульсом, которому в дальнейшем предстоит стать драконом-двойником гетеры. Еще не возникший, существующий скорее как предчувствие самого себя, будущий дракон-двойник придает младенческому устремлению наружу ту необходимую интенсивность и настойчивость, что умеет преодолеть тончайший заслон подвижной скорлупы яйца и вывести вместе с собой чудесное тельце на воздух новой жизни.

Гетеры созревают быстро. И в те несколько лет, когда с ними происходит захватывающий процесс метаморфозы, когда птицеобразное созданище, излучаясь на самое себя, обретает черты маленькой женщины, и потом во времена взросления ее двойник-дракон явлен только ей. Он и далее останется нематериален, но на физический план сумеет проникать, пользуясь бурлением ее чувств, исследуя и обучаясь степеням эмоций и страстей. Первая юношеская связь, на которую всегда трагически обречена девушка-гетера и без которой не может произойти в ней рождение подлинной женщины, не забывается уже никогда и всегда напоминает о себе как бы заново возобновляющимся взрывом эмоциональной плевры. У связи этой нет физического облика. Она не может быть подвержена никакому процессуальному акту. Чаще всего конечную метаморфозу перехода во взрослое состояние в гетерах вызывает встреча с легионерами. Крайне редко это происходит у гетер

с кентаврами и никогда с тритонами или грифонами. Но Принц, еще будучи в ипостаси юного сверлёныша, стоило ему только кинуть взгляд на ту или иную девицу-гетеру, включал неотвратимый процесс и навсегда привязывал к себе невольную жертву.

Именно так случилось с О-ле, импульсивной, взвихренной и взвихренностью этой необычайно привлекательной и опасной.

Когда Принц покинул луговые просторы, ее потянуло вслед за ним в каверзную волокиту земной жизни, где гетеры увязают навсегда и безвозвратно за редким исключением тех утонченных созданий, кои научаются в процессе своих земных испытаний настолько облегчить в себе телесное, что двойники-драконы могут вернуть их назад.

Дефис в имени О-ле и первая буква «О» указывали на иную судьбу.

Она знала об этом, и не было в ней страха, ибо, в конечном итоге, грозящее ей обнуление в пророчествующей любви было притягательней самой жизни.

О-ле отправилась в Столицу вслед за своим Принцем. И в этом безоглядном акте поневоле ускорила все процессы жизни в смертельном, по сути, порыве, в отчаянной жажде сближения, изначально обреченная на провал.

О-ле истрачивала свои телесные силы, водружая запретную стену между собой и городом.

Истаивая, полностью отдавшись импульсу, она снабжала своего двойника мощным бытием душевного порыва, и Дракон, наконец, поглотил ее витальность, получив право безудержным ветром ворваться в Северную Столицу.

Уже ночью, когда Принц вернулся в особняк и с трудом отковыривал форточку, хлопнувшую оглушающим выстрелом в раму окна, он испытал такую печаль, словно только что похоронил сестру, душевная близость с которой дарила счастье изумительной синхронности подхватывания и узнавания тончайшего своего в совершенно другой, но такой же.

Нерасторжимая недостижимость этих пут препятствий, которую предоставила ему как часть наследия Судьбоносная Сверлии ревнивая и упорная в своей власти Кружевница, была неподвластна, юношеской силе проникновения и не было пока в его распоряжении Золотосверлой Утвердительной дрели, при помощи коей он мог бы преодолеть узы. Удаляясь из Сверлии, он просто отдалился от Кружевницы и от тех сестер-подруг, которым невольно помог совершить Конечную метаморфозу, особенно от тех, что, как и О-ле, не могли избавиться от притяжения, манящего слиянием с переживаниями сияний его взрослений.

Так Всепоглощающая аллитерация присваивает себе всякое созвучие, невзирая на искажение смысла или сюжета, содействуя вывихам естественного роста и подчас смертельным изломам судьбы и текста.

Ветряной ветровой жизни в драконе О-ле хватило немногим за полночь и, несмотря на то, что Принцу не дана, была власть для понимания всей Песни Дракона, многое он успел запечатлеть и спрятать от беспощадного ока Кружевницы в своем сердце.

Сокровенный порыв к нему О-ле, истратившей в безумном импульсе всю свою жизнь, был сопричастен тайне всепроникающих пророчеств Стога, и жажда слияния, которая привела ее к губительной растрате жизненной силы,

была вызвана тем постижением, которое может открыться деве-гетере, да и то одной на тысячу, в предельном ослеплении Инициации взгляда.

Судьба-Кружевница не прощает тех, кто проник в её тайны.

Гетера истаяла, Дракон отшумел, но несколько драгоценных срезов стружки из поджидающего его в будущем Ключевого озарения Принц сумел подхватить, и теперь никто и ничто не смогут помешать ему, воспользоваться Законом подобия, чтобы притянуть к этой стружке пророчеств в явленность отчетливого понимания всю полноту Минувшего – Предстоящего. Гибель – спасение всей сверлийской цивилизации – вот, что было поставлено на кон времени-игры, где Принц оказывался жрецом и героем. Вот что скрывалось в дразнящих светах Предстоящего. Вот что было назначено жаром древней сверлийской любви, которую пережила сама Земля, завершившая прихотью его рождения свой тайный эфирный роман.

– Где вы
Ветреные сестрицы
Изворотливой
Лавы
Жертвы
– Здесь
Мы
Жрицы
Львицы
Столицы
Ну а там
Посланницы
Ветры

СПАСЕНИЕ В РАСПИЗДЯЙСТВЕ

Власть над временем убывала вместе с восхождением в посюстороннее. Обязательные встречи со старшим лазутчиком-легионером происходили раз в неделю в некоем клубе-ресторанчике с претенциозным названием «Балаганчик». Там трудился заключенный в Сферу обслуживания один его давний приятель прости-господи, страждущий в роли арт-директора. Именно туда направился Принц на очередную встречу, где старший сверлийский лазутчик должен был поделиться с ним отчетливостью европейских впечатлений своих агентов.

Зрение раздражали подкинутые на каждый столик испещренные глупыми рифмами воззвания: «Даже Мальчик-с-пальчик любит «Балаганчик!», «Ты мой дружок уже не мальчик – бери друзей и в «Балаганчик!» и уж, совсем бедовое: «Можешь пропустить стаканчик. А какая здесь еда? В ресторане «Балаганчик» радость ждет тебя всегда. Да-да-да!» Эта разнузданная позитивность мелкой рекламы того места, где они назначали свои быстрые встречи по впрыскиванию разведывательно-аналитических тезисов, накладывалась на разговор

и запирали интуиции Принца в некие кислотные ловушки, отвлекающие его от Провиденциального проникновения. Но зреющее в нем свёрлышко, казалось, наслаждалось этой рифмованной чепухой, впитывая в себя образы и форматы недостижимого для сверлийца потребительского сознания.

Клубное заведение посещали разнообразные господа для отдыха и деловых переговоров, там, среди обычных посетителей часто появлялись известные политики, журналисты, продюсеры, режиссёры и актрисы, шлюхи и сутенёры. Ресторан был оформлен модным дизайнером-художником – бордово-приторные шелковые ткани мятой драпировкой покрывали стены, желтоватые балдахины над столами навевали мрачный уют, вездесущий арлекин в чучелах на втором этаже и прихайтеченная с самоварами и двухметровыми бутылками рюмочная внизу великолепно отражали шизоидные устремления времени. Там-то, в этой рюмочной, Принц и встречался со старшим легионером-лазутчиком.

Еще на подходе к питейному заведению залетела странная мысль, скорее лозунг: «Нет шоку. Нравственность – это гимнастика». И дальше – шепоток с хрипотцой: «Станешь принцем компромисса. Стойкость – это компромисс».

Легионер докладывал, перемежая свои слова стопками кристальной водки: «Сейчас наиболее актуальный смысл, способ репрезентации – это зрелище. Задача сверлийского воздействия – обрести опыт такой деятельности, в первую очередь в творческих сферах, которую можно будет обменять на определенный статус. В Европе мы наиболее применимы в области зрелищ. Сверлийская идея может открыть себя в зрелищно-репрезентативной форме. Нынешние европейцы и всё их общество хоть и находятся под властью чиновников, дурманных душу ползучим функционированием законов, все равно ждут и готовы осеменяться идеями. Люди жаждут идей, но облеченных в форму внятного эмоционально цепляющего зрелища. Европа стала одной страной. Действительно, оставаясь многоязыкой, она постепенно проникается одним общим языком. Но многое на этом общем языке не выскажешь, поэтому надо работать так, чтобы текст оказывался обслуживающей функцией, избегающей смыслов. Смысл надо закладывать в незримые основания, которые будут восходить в драйве визуального и незаметно проникать в тайные глубины-излучины восприятия. Это общество, утолив базовые, чисто физические нужды, ждет развлечений. Но оно готово не только к увеселению – они жаждут освежить повседневную жизнь. Сверлийское целительство будет там популярно и сможет поменять их взгляды. Нашим агентам важно воспользоваться энергетическими возможностями, которые предоставляет Сверление, работать на оппозиции к морали. Жизнь среднего европейца лишена свободного изъяснения агрессии, эротики и тому подобного. Мы можем устойчиво и планомерно работать в европейской среде, пользуясь, например, таким лозунгом: «Чем маргинальней, тем свободней!» Средний европеец из-за некоторой общей задержанности в развитии, из-за подавленности форматами, окружившими его жизнь и сжимающими ее, хочет получать энергию в виде зрелища. Туда, в эту энергию зрелищ, легко и необходимо впрыснуть наши управляющие струения.

Театр, мода и кино постепенно могут стать экскурсией в сумасшедший дом, где мир открытых эмоций, вожделений и страстей будет представлен Европе и проникнет в этот заповедник, можно сказать, заместит собой тот заповедник, в который превращено тамошнее искусство, ставшее особым типом резервации. Тогда Сверлийское послание, воплощаясь в персонах и профессиях местных художников, сможет приобрести, оказываясь постоянно востребованным, крайне важную социальную функцию».

Чеканя без комментариев выводы своих агентов, легионер неотвратно напивался. И как всегда становился незатейливо счастливым и мягким. Принц несколько утомился от его, свойственной всем представителям этой расы, прозрачности мыслей и обуженной отточенности формулировок, поэтому он не спешил поддаваться счастливым импульсам, идущим от старшего лазутчика, упивающегося результатами своих дегустаций. Он подставил свою душу этим смыслам как шприцу, позволил легионеру впрыснуть туда весь накопленный им объем, попрощался и направился к выходу. Напоследок он услышал произнесенную уже заплетающимся языком догнавшую его у выхода реплику:

– У тебя прекрасные новые ботинки

– Да

Там у выхода Завывала нечеловеческим воплем обрушил вдруг на его сознание непереносимую игру имени с буквой и словом, порождающую каракули пародийного шума, извивающегося чем-то китайским и даже трагическим, благодаря чему проникшего в запретное для посюстороннего как неожиданная атака, ворвавшаяся в сокровенную область.

Принц хоть и уловил тотчас встрепенувшийся голос Предупреждающего веяния, но, качаясь на пороге между «Балаганчиком» и городом, на несколько секунд замер призраком, открыв тем самым заслонки, смыкающие конспиративное, и выказав лучение пульсирующего цвета этому ментально облапившему его типу. Потом уже, глубокой ночью подводя итог дню, он подумал о неслучайности этой атаки.

А тот завывал: «Меня зовут мэн-ю, я представляю вам меню!» Вдруг начинал блять: «Ме-е-е-ню, – излучаться обнаженным телом, поддакивая сам себе. – Бест меню. Я мэн-я, ты мэн-ю! В ресторане «Балаганчик» театральное мэн-ю. В «Балаганчик» ресторан заходит даже Царь-Салтан! Приятного аппетита, господа! Театральные фрагменты, пересказы и танцы до упаду, читки старых и новых пьес, горячая смесь из старого и нового театра, эксперименты, мистификации, кабаре, цирк и провокации, моноспектакли и всякая другая всячина – всегда вместе с изысканной французской кухней и отменной закуской! Мэн-ю приглашает вас отведать его меню! Информация для сливок – балаганчик-чик-чиринок время новых вечеринок! В «Балаганчике» раёк, заходи на вечерок!»

Подавленный этим внезапным и бесстыжим натиском в пандан не переживаемой рифмовке, уже возобновляя в себе телесность, превращающую его в изящного молодого человека, который, чуть сутулясь, влился в уличный поток, Принц неожиданно для себя замкнул эту ритмизированную бесь:

